

«Умру ли я?»

Все происходящее походило на кошмарный сон. Еще несколько минут назад коллеги улыбались, шутили, а теперь эти знакомые лица исчезли без следа. Он всего лишь ненадолго отошел в уборную, а вернувшись, застал сущий ад.

Кровь. Повсюду кровь.

«Неужели они все мертвы? Неужели теперь мой черед?»

Врача била крупная дрожь. Алеф крепче прижал к себе спящую Кэтрин, тщетно пытаясь согреться у ее пышущего лихорадочным жаром тела, но этот жар лишь заставлял его собственное сердце колотиться еще отчаяннее.

Алеф был молод, и темный эвакуационный ход внушал ему первобытный ужас. Казалось, из непроглядного мрака вот-вот выпрыгнет тварь и перережет ему горло. Перед глазами до сих пор стоял труп солдата: белое месиво развороченных взрывом мозгов, медленно растекающееся в густой, липкой жиже. Алефа снова передернуло.

В паническом бреду ему почудилось, будто коммуникатор на запястье — это выползшая из лужи мертвой крови змея. Холодная, безжалостная, она обвила руку и ждет момента, чтобы вонзить клыки.

Единственным спасением казалась тяжесть пистолета в ладони. Сжав рукоять побелевшими пальцами, Алеф спотыкался на каждом шагу, пробираясь вперед в полубезумном оцепенении.

Где-то наверху, в пределах шести этажей спасательного лабиринта, глухо рокотало. Здание кренилось, перекрытия трещали, увлекая за собой обвалы камней. Прежде ровные лестничные марши превратились в груды крошева.

Морис шел следом за Алефом. Левой рукой он опирался на покосившуюся стену, а правую до боли вдавливал в живот. Внутри невыносимо пекло — словно тяжелые каменные жернова медленно перемалывали живую плоть. В присутствии молодого врача генерал еще держал фасон, не позволяя себе выказать слабость, но здесь, укрытый спасительной темнотой, он перестал притворяться. Боль скручивала его так, что хотелось рухнуть на колени и закричать, но мысль о дочери, которую нес Алеф, заставляла двигаться дальше. Он не смел отстать ни на шаг.

Тяжелые шаги генерала за спиной немного отрезвляли Алефа, не давая окончательно сойти с ума от страха. Дрожащими пальцами он полез в карман за мобильным.

— Слишком темно... Я ничего не вижу под ногами, — его голос срывался на писк. — Я хочу посветить экраном.

— Разве тебе мало этого? — Морис указал на косые трещины в бетоне, сквозь которые сочился тусклый уличный свет, окрашивая пыльный воздух в серые тона. Генерал выглядел изможденным. — Мы уже у третьего этажа. Потерпи немного. И не смей включать телефон, — добавил он ровным, почти ледяным тоном, в котором невозможно было уловить и тени той агонии, что терзала его утробу.

— Нет! Слишком темно, генерал! — вскрикнул Алеф, словно вспугнутый воробей.

Страх перед мраком был древним, инстинктивным, заглушающим любые доводы рассудка.

— Так будет лучше... Гораздо лучше...

Алеф упрямо вытащил мобильный и активировал режим SOS-фонарика. Яркий белый луч мгновенно разрезал темноту, облегчая путь и разгоняя удушливую атмосферу прохода. Молодой человек с облегчением ускорил шаг, отмахнувшись от предостережений Мориса.

— Ну и дурак же я, надо было сразу включить. Давно бы уже спустились, — пробормотал он, пытаясь шуткой заглушить колотившую его дрожь.

Резкий свет заметался по накренившимся стенам, вытягивая и ломая их тени. Алеф спешил вперед, не замечая зияющей впереди опасности — широкого, в фут шириной, разлома в стене, сквозь который пробивалось сияние пожаров снаружи.

Морис среагировал мгновенно. Сделав резкий рывок вперед, он навалился на Алефа, подминая его вместе с дочерью под себя и гася телом предательский свет экрана.

— Что за... — начал было возмущаться врач, но ладонь генерала намертво зажала ему рот.

Морис замер, распластавшись на холодном полу, словно затаившийся в зарослях хищник. Его взгляд, холодный и сосредоточенный, устремился сквозь разлом во внешний мир. Лоб офицера покрылся крупными каплями пота. От резкого прыжка внутри все перевернулось с новой силой, и мокрые от испарины золотистые пряди облепили его бледное лицо.

Алеф, чей лик сделался белее мела, в ужасе уставился в щель.

Мир снаружи изменился до неузнаваемости. Гигантские инопланетные корабли зависли в небе, изрыгая бесчисленные столпы ослепительно-белого света. Больница Святого Винсента и весь город Эвиду превратились в чужое, смертельно опасное пепелище. В вышине с бешеной скоростью вращались мириады чуждых механизмов, похожих на раскаленные диски циркулярных пил. Они выпускали жгучие лучи чистой энергии, которые с легкостью разрезали

железобетонные скелеты небоскребов. Огромные здания рушились одно за другим, точно кости домино, с оглушительным грохотом увлекая за собой тонны пыли в белесое марево катастрофы.

Прямо напротив них Стационарный корпус К раскололся надвое. Сквозь огромную брешь в стене было видно, как уцелевшие люди отчаянно мечутся по разрушенным этажам. Рухнувшая внешняя стена обнажила внутренности палат, превратив их в открытые всем ветрам театральные подмостки над бездной. Люди казались ничтожными муравьями, копошащимися в анатомическом разрезе некогда величественного здания.

Но спасения не было.

Алеф забился в беззвучной истерике, однако железная хватка Мориса не дала ему вскрикнуть. Несколько вращающихся дисков в небе резко замерли. Скрежеща сочленениями, они трансформировались в многоногие металлические конструкции — чудовищных двуглавых пауков.

И эти твари ринулись внутрь Корпуса К, сея смерть.

До ушей беглецов донеслись раздирающие душу крики. Алефа сковал ледяной пот. Лишенные укрытия люди гибли под безжалостными жвалами машин. Кровь хлестала фонтанами, ошметки плоти и обрубки конечностей дождем сыпались из зияющих проемов мертвых этажей.

Казалось, летающие механизмы прочесывали каждый метр, выживая выживших из верхних ярусов. Они либо четвертовали несчастных на месте, либо гнали их вниз, к выходу, точно скот на убой.

«Зачем? Какой в этом смысл?»

Мысли Алефа путались от ужаса. Что, если бы не эта бетонная преграда? Что, если бы генерал не сбил его с ног? Яркий луч фонарика неизбежно выдал бы их присутствие чудовищам, кружащим у самого разлома.

У врача подкосились колени. Он лежал неподвижно, не смея пошевелиться под защитой тела Мориса.

Убедившись, что роботы убрались от проема, генерал тяжело перекатился на бок и сел, прижавшись спиной к уцелевшему простенку.

Скрыв лицо в тени, он до предела напрягся, пытаясь унять спазмы и защитить дитя в своей утробе. Боль накатывала волнами, хотелось выть, рвать на себе волосы, но он лишь молча скрежетал зубами.

Когда приступ немного утих, Морис негромко произнес:

— Береги Кэтрин.

— С ней все в порядке, — прошептал Алеф, постепенно приходя в себя и улавливая в голосе офицера предельную, смертельную усталость.

Врачебный опыт подсказывал Алефу: после таких падений и перегрузок у любого вынашивающего неизбежно начался бы выкидыш. Он робко подался вперед:

— Генерал... Вы ранены?

— Твое дело — девчонка, — отрезал Морис, преодолевая очередной спазм. Этот молодой докторишка раздражал его отсутствием выдержки и воинской дисциплины. Впрочем, глупо было требовать стойкости от избалованного гражданского интеллигента. Тот вырос в холе и сытости среднего класса и никогда не заглядывал смерти в лицо. Совсем как Хань Цзин когда-то...

При мысли о Хань Цзине сердце Мориса тоскливо сжалось, и сталь в его голосе уступила место глухой горечи:

— Я вытащу вас отсюда.

Новый раскат грома потряс стены: Медицинский корпус М, подпиленный лазерными резцами пришельцев, начал заваливаться набок.

Обливаясь холодным потом, Морис с трудом поднялся, придерживая рукой ноющую поясницу.

— Быстро вниз! — скомандовал он. — Корпус рушится!

Алеф, чей разум окончательно отключился от паники, крепче прижал к груди Кэтрин и бросился вниз по уцелевшим пролетам. Чем ниже они спускались, тем меньше завалов попадалось на пути.

Когда они ворвались в вестибюль первого этажа, паника захлестнула их с головой. Некогда просторный холл, способный вместить сотни людей, лежал в руинах. Пол уходил из-под ног, перекошенные стальные балки с утробным скрежетом рушились на бетонные плиты. Наступал конец света.

Снаружи простиралось царство ослепительного белого сияния.

Небоскребы складывались карточными домиками, погребая под собой тысячи жизней. Из-под наползающих облаков пыли и обломков выбегали обезумевшие от ужаса люди. Окровавленные, оборванные, они устремлялись на открытые площади, залитые мертвенным светом прожекторов.

Словно стадо овец под ударами бичей, человечество бежало прочь из гибнущих жилищ, сбиваясь в огромные, копошащиеся толпы. Вне себя от страха, поддавшись глухому стадному инстинкту, люди жались друг к другу, боясь поднять глаза на зависшие над головой диски убийц.

Казалось, пока ты стоишь в полосе этого молочно-белого света, карающие лучи тебя не тронут.

«Но почему?»

Ответа не было. В крошечном хаосе обезумевшая толпа лишь испуганно взирала на закрывшую небо армаду левиафанов, испускающих безмолвное сияние.

— Генерал! Назад! Сейчас все рухнет! — закричал Алеф, когда огромная бетонная глыба, подобно метеору, пробила перекрытия верхних этажей. Ударная волна швырнула в их сторону ревущее облако пыли и смертоносного щебня.

— Стой, идиот! — крикнул Морис.

Не успел доктор сделать и шага к выходу, как чья-то властная рука рванула его назад, за обломок полуметровой стены. В ту же секунду мимо их лиц с пронзительным свистом пронеслась шрапнель из острых осколков. Сделай он еще шаг — и его голову превратило бы в решето.

— Нужно укрытие, — тяжело дыша, произнес Морис. Шквал поутих, и он вгляделся в сияющий ад, бушевавший в паре десятков метров от них. Лицо его осунулось. — Немедленно ищем подвал или глухой угол!

— Нет! Нельзя здесь оставаться! — закричал Алеф, дико озираясь на дрожащие своды вестибюля. — Сейчас потолок рухнет! Надо бежать наружу, к свету!

Он рванулся к выходу, по-прежнему сжимая в объятиях Кэтрин.

— Стоять! — Морис перехватил его запястье. Пальцы генерала были холодными, как сталь. От резкого движения боль в животе вспыхнула с новой силой, выбивая воздух из легких.

— Отпустите, генерал! Тут все завалит! — взмолился врач.

— Снаружи смерть, Алеф!

— Да лучше рискнуть там, чем быть погребенным под тоннами бетона! — Алеф был невменяем от ужаса. Голос разума умолк, остался лишь слепой страх перед рушащейся над головой машиной госпиталя. — Пустите меня! Я не хочу здесь подохнуть!

Сверху с грохотом сорвался еще один кусок карниза. Алеф вздрогнул, его лицо исказила гримаса паники.

— Если хотите оставаться — забирайте девчонку! Но я уйду!

С этими словами он буквально всучил Кэтрин в руки опешившего Мориса.

Генерал был вынужден выпустить руку доктора, чтобы поймать дочь. Едва вес девочки лег на его руки, мышцы живота судорожно сократились. Морис согнулся, с трудом сдерживая стон. Тем не менее долг офицера не позволял ему бросить гражданского на верную гибель.

— Эти лучи — ловушка! — хрипнул он, вновь пытаясь ухватить Алефа свободной рукой. — Они собирают вас как скот! Не смей выходить!

— Да какая разница?! Выбора нет!

В его глазах обрушение здания и чужой свет были как два смертоносных вала: один — крушащий кости каменный обвал, другой — пугающая неизвестность. И он, как любой нормальный человек, выбрал то, что казалось шансом на спасение.

Вырвавшись из хватки генерала, Алеф сделал шаг назад. Он не был подлецом и искренне хотел, чтобы спасший его офицер пошел за ним. Но, взглянув на Мориса в упор, он вдруг застыл на месте. Слова застряли у него в горле.

— Генерал?.. — выдохнул доктор, широко раскрыв глаза от изумления. — Ваши... ваши глаза! Что с ними?!

«Что с моими глазами?»

Морис недоуменно нахмурился и коснулся пальцами лица. Зрение работало исправно, мир вокруг виделся четко.

Но Алеф не стал ничего объяснять. Очередной сокрушительный толчок заставил здание содрогнуться — вражеские пилы завершали зачистку остатков Корпуса М.

Врач вздрогнул всем телом. Ужас перед неминуемой смертью под завалами перевесил все остальное. Не оглядываясь на генерала, он бросился наружу, в ослепительный белый день.

Позади него с грохотом рухнула многотонная бетонная стена, обнажив арматуру толщиной в руку. Удар смял обломки нижних этажей, образовав огромный провал, сквозь который теперь виднелось серое небо и хлещущие сквозь пыль белые лучи. От некогда тридцатиэтажного величия Корпуса М осталась лишь бесформенная гора щебня.

Боль внизу живота напоминала изнуряющий марафон. Когда казалось, что предел выносливости уже пройден, наступило странное оцепенение, позволившее терпеть дальше.

То ли тело онемело от пытки...

То ли разум погрузился в ледяное спокойствие абсолютного отчаяния.

Прижимая к себе Кэтрин, Морис забился в узкую нишу, образованную сошедшимися углом бетонными плитами. Когда первый шок улегся, тупая, изматывающая боль вернулась с новой силой.

— Кх... — Морис до крови впился пальцами в шершавый бетон, едва не ломая ногти.

Боль была чудовищной. Нечто подобное он испытывал лишь однажды — когда спасался бегством с планеты Uіws, едва не потеряв плод на раннем сроке.

«Неужели я не смогу его спасти?»

Шесть месяцев он вынашивал это дитя, лелея надежду на тихую, мирную жизнь. И вот теперь... В груди заныло так, словно сердце сдавили ледяные тиски.

Он перевел взгляд на дочь, безвольно прикорнувшую у него на плече. Ее бледное личико было исцарапано каменной крошкой, сознание блуждало где-то в лихорадочном забытии. Сжав пальцы на куске щебня до хруста в суставах, Морис почувствовал, как его душа летит в глубокую бездну отчаяния вслед за рушащимися стенами города.

Алеф бежал, спотыкаясь и падая на груды битого кирпича. Наконец он выбрался на улицу. Над головой раскинулась гигантская сеть из перекрещивающихся световых столбов. Человек в этом ландшафте казался ничтожной песчинкой, лишенной малейшего шанса на спасение.

«Эти лучи — ловушка! Они убьют тебя!»

Предостережение генерала запоздалым эхом отозвалось в ушах, заставив Алефа испуганно замереть на пороге.

И в эту секунду парящие в вышине механизмы вспыхнули зловещим желтым светом. В воздухе развернулись мерцающие четырехмерные энергетические щиты.

— А-а-а!

— Мама!

— Хэнк!

— Моя дочь!

Крики ужаса, призывы о помощи, рыдания матерей и детей слились в один сплошной гул. Паника росла, точно пламя, в которое плеснули бензином.

Световые столбы, до этого неподвижно висевшие в воздухе, пришли в движение. Сверхсветовые лучи начали со свистом рассекать пространство, выжигая землю и кроша остатки зданий.

Эвиду превратился в циклопическую бойню. Бежать было некуда. Те, кто застыл в оцепенении, и те, кто пытался скрыться, — все они в одно мгновение растворялись в слепящих потоках белого пламени.

Все закончилось за какую-то пару десятков секунд.

Толпа в несколько сотен человек, только что метавшаяся перед госпиталем, исчезла.словно ее никогда и не было. Морок, наваждение.

Но брошенные сумки, потерянные детские игрушки и сорванные ветром шляпы, сиротливо лежащие на выжженном бетоне, безмолвно свидетельствовали: это не было сном. Это произошло наяву.

Руки Алефа ходили ходуном. Кожа на голове натянулась от ужаса. Он не мог сделать ни вдоха, парализованный увиденным.

Разом отключившись от реальности, врач начал медленно, шаг за шагом, пятиться обратно под защиту руин. До него наконец дошло, какую роковую ошибку он совершил. Обманчиво тихое море таило в себе бездну, куда более страшную, чем рушащийся берег.

С небес, затянутых грозовым фронтом, донесся тяжелый, рокошующий гул.

Колени Алефа подогнулись, и он мешком рухнул на землю. Силы оставили его. Он не мог даже

ползти.

Исполинские корабли прекратили извергать белый свет. Эвиду мгновенно погрузился в первобытную, непроглядную тьму ада.

Лиранцы начали Великую Чистку.

Люди, затянутые лучами в утробы инопланетных кораблей, оказались заперты в тесных отсеках-накопителях. Словно скот в концентрационных лагерях былой Земли, они ждали своей участи, не подозревая, что их ждет пытка страшнее любых человеческих зверств. Несчастные выли от боли, их лица искажали безумные гримасы.

В герметичных металлических камерах очистки автомата мгновенно откачала воздух. Внутреннее давление разорвало человеческие тела изнутри, превращая живых существ в кровавое месиво.

— А-а-а-а!

— Генерал!

— Генерал!

Дикий, истошный вопль вырвался из горла Алефа. Он слепо пополз назад, перебирая слабеющими руками по острым камням, но тело отказывалось повиноваться. Сверху низвергся сущий кошмар.

Небо разверзлось кровавым ливнем. На землю обрушились тонны человеческой плоти, смешанной со слизью. Жижа с тяжелым хлюпаньем бомбардировала руины, взрываясь багровыми пузырями.

Кровавый туман окутал руины удушливым, приторно-сладким запахом бойни. Земля чернела на глазах, впитывая влагу, а из люков зависших левиафанов продолжали хлестать нескончаемые потоки багровой жижи и мясного фарша.

Asce — легендарный цветок очищения — медленно распускался посреди этого рукотворного ада. Бутоны раскрывались один за другим, покрывая мертвую землю ковром густо-красного оттенка. Их лепестки, прозрачные и хрупкие, переливались рубиновым глянцем, словно Творец вложил в эти дьявольские создания всю свою нежность.

Стебли плавно покачивались под ударами кровавых струй. Их зловещая, гипнотическая красота могла затмить любые земные цветы. Но Алеф видел в этом лишь бездну безумия. Густая багровая лавина неостановимо наступала со всех сторон, грозя поглотить его заживо.

<http://bllate.org/book/19677/2006497>